

КЪ РАЦИОНАЛЬНОМУ МИРОВОЗЗРѢНІЮ.

ГОЛОСЪ ДОЛГА.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ ЧЕЛОВѢКА.

Ипполита Панаева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 2 лин., 7.

—
1885

KE 20900

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не смотря на постоянно возрастающее могущество чловѣка въ открытіи средствъ къ увеличенію внѣшняго благосостоянія, — благосостояніе внутреннее не только не пріобрѣтается чловѣкомъ, а напротивъ, съ усиленіемъ упоминаемаго могущества, все болѣе и болѣе отъ него удаляется.

Значить ли это: идти впередъ?

Не означаетъ ли это, скорѣе: идти тѣми же путями, какими шли, къ своей гибели, угасшія цивилизаціи?

Исторія достаточно свидѣтельствуетъ намъ — что возрастаніе недовольства другими и самимъ собою, отсутствіе уваженія къ *человѣку* въ самомъ себѣ и въ другихъ — разрѣшаются, въ концѣ-концовъ, тѣмъ, что сглаживаютъ, съ лица земли, все, что на ней натворено людьми, какъ бы это натворенное ни казалось грандіознымъ.

Умъ эпохи оказывается, стало быть, несо-
стоятельнымъ — какъ въ доставленіи своимъ
современникамъ довольства существованіемъ,
такъ и къ направленію человѣчества на тотъ
путь истиннаго прогресса, при которомъ при-
обрѣтеніе такого довольства становилось бы
все болѣе и болѣе достижимымъ.

Но умъ эпохи не есть еще разумъ порядка
вещей—каковымъ ему быть должно.

И, въ самомъ дѣлѣ, неужели не имѣется ни-
какихъ средствъ для совершенія желаемой пе-
ремѣны,—перемѣны въ положеніи вещей, ко-
торое никого не удовлетворяетъ и ни въ комъ
не возбуждаетъ надеждъ?

Средства имѣются; но они выяснятся толь-
ко лишь тогда, когда люди станутъ, наконецъ,
пользоваться средствомъ, имъ самимъ, вполне
и неотъемлемо, принадлежащимъ, то-есть нач-
нутъ практиковать, дѣйствительно, и съ над-
лежащимъ тактомъ, естественное челоѣку, доб-
рое расположеніе къ челоѣческой личности.

Безъ воодушевленныхъ заботъ серьезно
мыслящихъ представителей интеллигенціи, — въ
особенности тѣхъ изъ нихъ, въ рукахъ коихъ
находятся *ключи разума*, — о поднятіи въ
людяхъ такого настроенія, при которомъ че-
лоѣкъ не могъ бы относиться равнодушно,
или только лишь насмѣшливо, къ искаженію
челоѣческаго достоинства какъ въ самомъ
себѣ, такъ и въ каждомъ другомъ лицѣ, — безъ
таковыхъ заботъ, всякія второстепенныя сред-

ства, имѣющія въ виду благосостояніе людей, будутъ оказываться безсильными.

Глубокое убѣжденіе въ томъ, что только лишь *воспитаніе*, въ человѣкѣ, *такого на-строенія* можетъ доставить ему истинное, возможное на землѣ, благо, побудило меня написать эту книгу, по содержанію своему соотвѣтствующую тому направленію, которому я слѣдовалъ и во всѣхъ другихъ моихъ трудахъ. — Въ послѣдніе семь лѣтъ, я написалъ, перевелъ и издалъ нѣсколько книгъ, на заглавныхъ листахъ которыхъ, выше заглавія, стоятъ слова: „*Къ раціональному міровоззрѣнію*“¹⁾. Подъ тою же рубрикой выходитъ и настоящая моя книга.

Тѣ немногіе, которые возьмутъ эту книгу и станутъ перелистывать ее, замѣтятъ, въ-

¹⁾ Списокъ изданныхъ мною книгъ напечатанъ на оберткѣ этой книги.

Въ Посмертныхъ запискахъ Николая Ивановича Пирогова, печатающихся въ „Русской Старинѣ“ 1884 и 1885 г., и читаю слѣдующее:

„Установленіе извѣстнаго *modus vivendi* необходимо не только для согласія семействъ, обществъ и народовъ, но и для согласія съ самимъ собою, а этого можно достигнуть только извѣстнымъ и болѣе или менѣе определеннымъ міровоззрѣніемъ“.

Эти строки были написаны въ 1879 году, — въ томъ самомъ году, въ теченіи котораго я работалъ, въ другомъ краю земли, надъ моею книгой „Пути къ раціональному міровоззрѣнію“ (изд. 1880 г.).

Примѣч. автора.

роятно, что въ ней имѣются цитаты изъ Евангелія. Можетъ случиться, что, поэтому, иной читатель, не прочтя книги, заподозритъ меня въ томъ, что, — чувствуя себя безсильнымъ доказывать свои положенія, — я имѣю притязаніе какъ бы импозировать ихъ, обыкновенному большинству читателей, авторитетомъ Священнаго Писанія. На мой трудъ, вслѣдствіе этого, онъ станетъ смотрѣть съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ.

Предубѣжденіе это будетъ совершенно несправедливо.

Справедливо же будетъ нижеслѣдующее:

Стимулируетъ меня, во всѣхъ моихъ трудахъ, желаніе быть, на старости лѣтъ, сколько нибудь полезнымъ посильнымъ разъясненіемъ такихъ вопросовъ, смутное представленіе которыхъ вредитъ правильному развитію общественнаго сознанія. По самому характеру моихъ занятій, приходится мнѣ не мало думать. Если, во время моихъ умственныхъ работъ, предшествующихъ письменному изложенію, я замѣчаю, что мысль моя сходится съ высокими идеями, выраженными въ Евангеліяхъ и въ Посланіяхъ Святыхъ Апостоловъ, то я считаю себя счастливымъ, и включаю замѣченное въ мой трудъ. Авторитетъ тѣхъ, которые, первые, основали свою систему воспитанія человѣка, не на подчиненіи мертвой буквѣ, а на свободномъ и воодушевленномъ послушаніи живому Прототипу любви, — высокій авторитетъ этотъ,

съ которымъ я встрѣчаюсь не разсчитанно, конечно, придаетъ, и мнѣ, болѣе увѣренности, и положеніямъ моимъ—болѣе силы и значенія.

Книга „Ессе homo“ неизвѣстнаго Англійскаго автора, въ переводѣ *Θ. Тернера* ¹⁾, внушила мнѣ не мало мыслей. Нѣсколько мѣстъ изъ этой превосходной книги я позволилъ себѣ вставить въ мой трудъ.

¹⁾ Книга „Ессе homo“. Переводъ съ Англійскаго *Θ. Тернера*. 1877—1878 г. С.-Петербургъ.—Въ первой части перевода, въ видѣ вступленія, помѣщено извлеченіе изъ критической статьи, написанной, по поводу этой книги, *Гладстономъ*, и напечатанной въ журналѣ „Good Words“.

То благо не въ мірѣ, оно не извнѣ,
То благо съ тобою, то благо въ тебѣ.

*Изъ стихотвор. Шиллера, пер.
Струговщикова.*

I.

Изъ упорнаго анализа всѣхъ элементовъ дѣятельности человѣка, взятаго отдѣльно, можетъ, въ концѣ-концовъ, оказаться, что цѣль этой дѣятельности есть самъ же дѣятель, — сознаетъ ли онъ это, или не сознаетъ.

Но, человѣкъ, существо чувственное, есть, вмѣстѣ, существо разумное и сознательно нравственное.

Поэтому, имѣется достаточное основаніе полагать, что истинная конечная цѣль сознательной дѣятельности человѣка есть — образованіе гармоническаго единства изъ всѣхъ разнообразныхъ элементовъ конституирующихъ его существо, — развитіе настоящей человѣческой личности, осуществляющей, въ себѣ и собою, полное согласіе съ самимъ собою.

Надо мыслить, и нельзя не мыслить, что назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы

стремиться къ достиженію этой цѣли, дѣйствуя, при этомъ, въ теченіи жизни, такъ, чтобы содѣйствовать, каждому другому человѣку, въ усиліяхъ его достигать своей собственной конечной цѣли. Таковыя дѣйствія и таковая солидарность въ дѣйствіяхъ всѣхъ членовъ человѣческаго рода (если бы они осуществились), независимо отъ того, что водворяли бы, въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, довольство существованіемъ, вырабатывали бы, несомнѣнно, тотъ наилучшій общественный строй, который тщетно старались и тщетно будутъ стараться осуществить инымъ путемъ.

Дѣятельность человѣка, — вызывается ли она внѣшними цѣлями, ставимыми самимъ дѣятелемъ, вызывается ли внѣшними элементами, какъ бы встающими самостоятельно и кажущимися независимыми отъ него, — отзывается, въ глубинѣ внутренней жизни человѣка, въ корнѣ ея, состояніемъ *довольства*, или состояніемъ *недовольства*. Довольство и недовольство эти сказываются непремѣнно, сказываются независимо отъ удачнаго или неудачнаго хода дѣятельности, и, часто, независимо даже отъ ея результатовъ.

Практика жизни начинается съ различенія и выбора. Выборъ дѣлается между пріятнымъ и непріятнымъ. Онъ находится въ зависимости отъ свойства, ощущаемаго, представляемаго или мыслимаго, возбуждать пріятное чувство или непріятное чувство. Зависитъ онъ (выборъ)

также отъ внутренняго характера-вкуса сеснсовъ человѣка.

Но, надъ такимъ выборомъ имѣется, въ каждомъ человѣкѣ, чувствуется каждымъ человекомъ *ничто* несобъяснимое, неподдающееся никакому разслѣдованію, никакому анализу, — имѣется, чувствуемый болѣе или менѣе внятно, *контроль*, сказывающійся, въ таинственной глубинѣ человѣческаго существа, *одобреніемъ* или *неодобреніемъ* дѣлаемому выбору. Отъ этого контроля никто не ускользаетъ; заглушить его вполне нельзя, и человѣкъ, при всемъ стараніи, никакъ не можетъ сдѣлаться животнымъ, въ которомъ, — надо полагать, — практика жизни идетъ только лишь въ борьбѣ пріятнаго съ непріятнымъ, связанныхъ съ чувствами удовлетворенія или неудовлетворенія естественнымъ склонностямъ.

Этотъ *контроль* есть, въ человѣкѣ, какъ бы фонъ, на которомъ разыгрывается драма его внутренней жизни. Онъ (контроль) не зависитъ ни отъ свойствъ внѣшняго, ни отъ вызываемыхъ ими внутреннихъ ощущеній, которыя, относительно *моего я* контролирующаго, суть тоже *внѣшнее*.

Жизнь проявляется и въ человѣкѣ, и въ животномъ, и въ растеніи.

Растеніе живетъ, но — живетъ жизнью пассивною, вполне, повидимому, зависимою отъ окружающей среды, и не имѣетъ свободы выбора и передвиженія.

Животное живетъ, пользуясь свободою выбора и передвиженія, но, опять по видимому, вполне зависимо отъ окружающей среды (къ которой мы причисляемъ и его организацію), и вся пассивная его жизнь питается отъ этой среды.

Человѣкъ же живетъ не одною только растительною и животною жизнью. Разсматривая элементы пассивной жизни нашей, мы должны будемъ признать, что не вся она въ цѣломъ содержаніе свое получаетъ отъ внѣшней среды. Упоминаемый *контроль* есть, неоспоримо, элементъ пассивной жизни человѣка; но, уже конечно, не во внѣшней средѣ, не въ доступной пониманію области природы возможно мыслить его возбудителя и поддерживателя. *Раскаяніе*, ощущаемое человѣкомъ по поводу даже однихъ лишь намѣреній и мыслей, есть фактъ не могущій быть объясненнымъ никакими естественными вліяніями.

Вы принимаете намѣреніе, болѣе или менѣе обдумывая его, и, одновременно, чувствуете, въ сокровенной глубинѣ своего *я*, что-то какъ бы разсматривающее, какъ бы контролирующее ваше намѣреніе. Если вы обратите вниманіе на эту глубоко внутреннюю глухую работу, то непременно остановитесь прежде нежели

станете приводить въ исполненіе свое рѣшеніе.

Вы дѣйствуете; и если будете наблюдать за собой внимательно, то замѣтите, тоже, что *какое-то* невидимое око, изъ глубины вашего существа, слѣдитъ за вашимъ дѣйствіемъ.

Намѣреніе ваше, приведенное въ дѣйствіе, производитъ результатъ. Но, одинъ ли этотъ результатъ съ его послѣдствіями воспринимаете вы вашимъ чувствомъ? Нѣтъ: одновременно съ чувствами и мыслями, доставляемыми добытымъ результатомъ, вы чувствуете, что, въ глубинѣ вашей существенности, въ глубинѣ вашего *я*, совершилось *ничто*, произошелъ другой результатъ, въ общемъ сказывающійся одобреніемъ или неодобреніемъ.

И одобреніе или неодобреніе заявляются независимо, заявляются не непременно соотвѣг-ственно пріятному или непріятному чувству производимому намѣреніемъ, дѣйствіемъ и, наконецъ, результатомъ. Для большинства людей, для большинства, привыкшаго замѣчать горѣніе жизни только лишь по отношеніямъ ея съ внѣшнимъ, наступающія пріятное и непріятное заглушаютъ, на время, голосъ идущій изъ глубины существенности человѣка. Голосъ этотъ не поражаетъ рѣзко слухъ; но, тѣмъ не менѣе, таинственное вліяніе его проникаетъ во весь организмъ человѣка.

„Чувствуется какъ будто чего-то недостаетъ, какъ будто что-то недосказано“, — говорить

часто человекъ, воспринявшій пріятное и сознающійся въ этомъ и самому себѣ и другимъ.

„Странно: мнѣ какъ-то весело и радостно“, — замѣчаетъ, самъ въ себѣ, нерѣдко, воспринявшій непріятное и сознающійся въ этомъ и самому себѣ и другимъ.

И тотъ, и другой, разбирая такія противорѣчія въ себѣ, должны были-бы придти къ заключенію, что, въ первомъ случаѣ, пріятное не сопровождается одобреніемъ, и что, во второмъ случаѣ, непріятное сопровождается одобреніемъ.

Такимъ образомъ, погрузившійся глубже въ познаніе самого себя, человекъ не можетъ не замѣчать, что въ немъ, параллельно съ обычными проявленіями активной и пассивной жизни, идетъ, на высшей ступени сознанія, какъ бы другая жизнь, — идетъ жизнь, которая, горя непотухаемо въ недосыгаемой для познанія области, чувствуется *одобреніемъ* и *неодобреніемъ*, обусловливаетъ различныя степени счастливаго или несчастливаго существованія, и, можетъ быть, вліяетъ значительно на здоровье или болѣзненность даже физической природы человека.

Эта жизнь, идущая параллельно съ обыкновенною жизнью, есть *фактъ* непосредственно нами чувствуемый; подняться до объясненія его нельзя, понять его невозможно¹⁾.

¹⁾ Приступая къ изученію человека, надо всегда помнить, что въ немъ, въ процессъ его жизни, имѣются три различные элемента:

Наблюдая, мы не можем не убѣждаться, что всѣ элементы и проявленія активной и пассивной жизни нашей попадаютъ въ таинственную область контролирующаго начала какъ бы для окончательной переоцѣнки.— Но, контролирующее начало это есть, вмѣстѣ, и начало правящее, а потому—и не безучастное. Предоставляя намъ полную свободу въ рѣшеніяхъ, оно, тѣмъ не менѣе, предостерегаетъ насъ, выправляетъ наши пути и останавливаетъ на краю пропасти. — Оно настолько могущественно, что можетъ—какъ низвергнуть нашъ духъ въ совершенное ничтожество, такъ и вознести его до *сверхъестественной* силы, и вознести, до этой силы, даже изъ глубины ничтожества.

„Вознести до сверхъестественной силы! Какъ это? На чемъ основывается вы—чтобы произнести такое странное сужденіе?“ — можетъ возразить мнѣ, болѣе или менѣе ученый, раз-

1) Нѣчто, что можетъ быть воспринято собственнымъ сознаниемъ индивидуума и имъ обсуждаемо—въ виду познанія.

2) Нѣчто, что можетъ быть воспринято, такимъ же образомъ—въ виду познанія, только лишь сознаниемъ другого человѣка.

3) Нѣчто, что не можетъ быть воспринято—какъ нѣчто подающееся обсужденію и познанію — ни собственнымъ сознаниемъ, ни сознаниемъ другого человѣка, а только лишь чувствуется непосредственно какъ *фактъ*.

Примѣч. автора.